

СОЛНЦЕ

РОССІИ

Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти
Антон Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

мой юбилей въ этомъ году (январь 1904). Все это таганрогцы выдумали, которые хотятъ меня чествовать, какъ знаменитаго согражданина, а пишутъ мнѣ между прочимъ: А. Н. Чехову.

Въ одномъ изъ писемъ, къ недавно скончавшемуся писателю беллетристу Тихонову, А. П. Чеховъ сообщаетъ свои автобіографическія данныя.

«Вамъ нужна моя біографія. Вотъ она: Родился я въ Таганрогъ въ 1860 году. Въ 1878 кончилъ курсъ въ Таганрогской гимназіи. Въ 1884 г. кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. совершилъ путешествіе на Сахалинъ и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турнѣ по Европѣ, гдѣ пилъ прекрасное вино и ѣлъ устрицъ. Въ 1892 году гулялъ на именинахъ съ В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 году въ «Стрекозѣ». Сборники мои суть: «Пестрые рассказы», «Въ сумеркахъ», «Хмурые люди» и повѣсть «Дуэль». Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умѣренно. Переведенъ на воѣ языки, за исключеніемъ иностранныхъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы также одобряютъ. И французы не чужды взаимности.

Тайны любви постигъ я, будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачами, равно и литераторами, ~~пробывавъ въ стѣннчійшихъ отношеніяхъ.~~ Холостъ. Желалъ бы получить пенсію. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, лѣтомъ произвожу судебно-медицинскія вскрытія, коихъ не совершалъ уже года 2—3. Изъ писателей предпочитаю Толстого, а изъ врачей—Захарьина.

Однако, все это вздоръ. Пишите, что угодно.

Если нѣтъ фактовъ, то и ѣньте ихъ ликою...»

Антонъ Павловичъ, по слову его брата И. П. Чехова, не питалъ никакой призванности къ врачебной практикѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ повѣсилъ на дверяхъ вѣвѣску: «Докторъ А. П. Чеховъ и, ловиди мому, твердо рѣшилъ быть врачомъ. Но ег первые шаги въ этомъ направлеши не былъ удачны. Практика его началась за тридцать земель отъ его квартиры, въ Лефортовѣ, учителя кадетскаго корпуса, и здѣсь на первыхъ же порахъ А. П. написалъ невѣрный рецептъ. Возвратившись домой, онъ провѣрилъ себя, убѣдился въ своей ошибкѣ и мучило ужасно. Кончилъ онъ тѣмъ, что въ полночь на послѣднія деньги нанялъ у гостиницы «Сераповъ» лихача и помчался снова въ кадетскі корпусъ, чтобы взять обратно несчастный рецептъ. Къ его удивленію, въ аптеку еще не посылали.

— Запаятую въ граммахъ не тамъ поставилъ, — говорилъ А. П.—Вотъ вышла бы катавасія

Въ другой разъ Антону П-чу пришлось лечитъ семейство Я. Лечилъ онъ тамъ что-то мѣсяца полтора или даже больше, такъ какъ послѣдовательно тамъ заболѣли тифомъ мать и три взрослыя дочери подрядъ. Мать умерла одна изъ двѣшекъ тоже умерла, но кончина ея была слишкомъ трогательна. Она схватила Антона П-ча за руку, да такъ и умерла, держа его руку въ своей. На писателя это произвело такое сильное впечатлѣніе, что вывѣска: «Докторъ А. П. Чеховъ» была снята съ его двери и больше уже на ней не появлялась никогда

мое дѣло. Я въ немъ ничего не понимаю и терпѣть не могу театральнаго міра.

— Почему же ты написалъ «Иванова» и, говорятъ, еще пишешь какую-то пьесу, — спросилъ Сергіенко.

— Это вздоръ говорятъ. А съ «Ивановымъ» у меня вышло такъ. Какъ-то былъ я въ театрѣ Корша, шла новая пьеса. Вычурная, пре-противная. Ни складу, ни ладу. Я и началъ, что называется, разносить пьесу. А Коршъ ехидно говоритъ: А вотъ вы, вмѣсто того, чтобы критиковать, лучше взяли бы вы сами написали пьесу. «Хорошо, и напишу», — отвѣтилъ я. Такъ и произошла «Ивановъ».

По поводу затѣвшагося празднованія двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Чехова, А. П. говорилъ:—Да и откуда взяли,

исатель поэтъ А. Федоровъ рассказываетъ удивительный случай изъ жизни Чехова:

Въ февралѣ 1901 года Антонъ Павловичъ былъ въ Одессѣ на возвратномъ пути изъ Флоренціи въ Ялту.

Таможенный чиновникъ забралъ его портфель съ письмами. Нѣкоторыя полученныя имъ письма Антонъ Павловичъ, всегда любившій порядокъ, запаковалъ въ конверты. Чиновникъ сталъ разрывать конверты, чтобы убѣдиться въ легальности содержимаго.

Чеховъ возмутился. Еще больше возмутился его спутникъ.

— Вѣдь, вы грамотный человѣкъ,—пробовалъ тотъ урезонить чиновника.—Это Чеховъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ, писатель. Кажется, можно повѣрить ему.

— Не знаю, грамотны ли вы, но я кончила университетъ,—съ апломбомъ заявила чиновникъ.—Для меня служба выше всякихъ Чеховыхъ.

Но, очевидно, чиновникъ этотъ понималъ тузубу по своему, потому что начальство, бывшее чиномъ повыше этого господина, заявило, что эти пакеты останутся неприкосновенны.

— Непремѣнно надо будетъ рассказъ написать,—сказалъ въ заключеніе Антонъ Павловичъ.—Очень ужъ это характерная у насъ склонность всякаго такого ничтожества по-

измываться надъ безпомощнымъ человекомъ, чтобы показать свою власть.

А. П. Чеховъ никогда не назначалъ плату за свои статьи и рассказы. Сколько давали, столько и бралъ. По этому поводу А. П. Чеховъ рассказывалъ поэту А. Федорову слѣдующую исторію.

Обратился ко мнѣ издатель одного дѣтскаго журнала.

Даль я ему рассказъ.

Напечаталъ. Потомъ на одномъ юбилей встрѣчаюсь съ нимъ, денегъ у меня было мало, а тутъ всѣ угощаются. Вижу, онъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями и конвертъ въ рукахъ. Ну же я и обрадовался. Благодарить. Просить и впредь не оставлять его журнала и деликатно такъ конвертъ прямо въ карманъ мнѣ. Я даже не посмотрѣлъ въ первую минуту. Посиживаю себя. Съ деньгами то на душѣ сѣтло, какъ въ ресторанной залѣ. А пришло время расплачиваться, я за конвертъ. Разрываю—двадцать рублей. А рассказъ порядочнаго размѣра былъ. Вотъ же я смѣялся. «Будильникъ» мнѣ это напомнило.

— Я было ему отдать хотѣлъ назадъ эти двадцать рублей, да неловко, обидѣлся бы, пожалуй.

А. П. Чеховъ до конца жизни любилъ читать,

и въ выражался, про божественное, но иногда въ комнату своей матери, Евгени. Яковлевны и заставая ее за чтеніемъ четьи-миней, Антонъ Павловичъ шутилъ:

— Что это вы, мамаша, все про божественное читаете? Почитали бы лучше пьесы господина Чехова.

Однажды Чеховъ, съ двумя братьями И. П. и Н. П., пришелъ въ редакцію «Зрителя», гдѣ ихъ стали угощать чаемъ. «Хорошо бы чай съ лимончикомъ,—сказалъ А. П. Черезъ нѣсколько минутъ Чехову подали лимонъ, завернутый въ исписанную мелкимъ почеркомъ бумагу. Развернувъ бумагу, Чеховъ нѣсколько минутъ читалъ внимательно написанное, а потомъ сталъ громко смѣяться. Оказалось, что бумага, въ которую былъ завернутъ лимонъ,—страничка рукописи рассказа, сданнаго наканунѣ Чеховымъ въ редакцію «Зрителя», и еще не напечатаннаго. Редакціонный сторожъ, продавая въ ближайшую лавочку ненужныя бумаги, захватилъ съ ними и рукопись Чехова.

А. Б.

Редакторъ Александръ Коганъ.
Издатель: Т-во Изд. Дѣла «Копѣйка»
въ лицѣ представителя М. Городецкаго.